

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXV • 2022 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 100-летию со дня рождения российского монголоведа Лидии Леонидовны Викторовой (1921–2006)

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук (Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова

Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2

e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 10.03.2022

Формат 60×90 1/8. Объем 12 печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. e-mail: editor@isvoe.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/gssy-r235

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2022
© Коллектив авторов, 2022

В НОМЕРЕ:

100 лет со дня рождения Л. Л. Викторовой (1921–2006) (*Редколлегия*) 5

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

С. В. Романова. Андрей Григорьевич Данилин как исследователь традиционной культуры алтайцев (по материалам Российского этнографического музея) 7

ФИЛОЛОГИЯ

О. К. Бабаева. Особенности перевода поэтических произведений (на примере стихотворений Д. Н. Кугультинова) 32

В. З. Церенов. О происхождении и значении имени Джангар 38

Б. Л. Митруев. Калмыцкие печати на санскрите 47

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

И. А. Алимов. Бюрократия в движении: китайские путевые дневники X–XIII вв. (II) 55

Ю. А. Иоаннисян. Проповеди Сайида Казима Рашти в месяц рамадан 1257 г. х.: к вопросу о «пророческих/религиозных циклах» в учении шейхитов 62

ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ

С. С. Сабрукова. Страницы истории отечественного монголоведения из воспоминаний Г. И. Михайлова (1909–1986) 67

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К. В. Орлова. Международная научная конференция «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству» 76

И. В. Кульганек. Новые книги по монголоведению 81

IN MEMORIAM

Памяти Елены Юрьевны Харьковской (1955–2021) 89

С. С. САБРУКОВА

Институт восточных рукописей Российской академии наук

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г. И. МИХАЙЛОВА (1909–1986) ¹ (Продолжение)

Статья посвящена мемуарам монголоведа XX в. Г. И. Михайлова о своих учителях и коллегах Б. Я. Владимирце, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. В. Бурдукове, С. А. Козине, Н. Н. Поппе и Г. Н. Румянцеве. Мемуары были выявлены в личном фонде Н. П. Шастиной в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН. Г. И. Михайлов определяет свои воспоминания как заметки об известных личностях русского востоковедения, в них описаны реалии жизни того времени, личный взгляд автора на разные события в жизни его «героев». Хронологически они охватывают более сорока лет, с 1926 по 1967 г. Текст мемуаров написан живым языком, интересно и увлекательно, с использованием формы речи — диалога.

Ключевые слова: Б. Я. Владимирцов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. В. Бурдуков, С. А. Козин, Н. Н. Поппе, Г. Н. Румянцева.

Об авторе: САБРУКОВА Светлана Санджиевна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18). ORCID 0000-0001-7983-4291 (ssabrukova@yandex.ru).

© ИВР РАН, 2022
© Сабрукова С. С., 2022

<18> А. В. Бурдуков в стенах Ленинградского восточного института появился во второй половине 1926/27 учебного года. С тех пор и до конца нашего курса обучения он вел разговорную практику. Таким было его официальное амплуа, на самом же деле его деятельность почти не имела границ.

Еще мальчиком Алексей Васильевич попал в Монголию, прожил там большую часть своей жизни и в Ленинград приехал уже пожилым человеком с сединой в волосах и с почти горьковскими усами, тоже тронутыми сединой. Монголию он покинул, таким образом, лет сорок назад, но монголы до сих пор помнят его. Совсем недавно (22 мая 1964 г.) газета «Соел утга зохиол» сообщала со слов партизана 1921 г. Дамдинсурэна, что Магсаржав-сайда ², когда

он объезжал западные районы Монголии, сопровождал русский Элэгсээ (т. е. Алексей). Про него партизаны говорили, что он красный, очень хороший человек, ученый.

Все сказанное монгольским партизаном — сущая правда. Действительно, Алексей Васильевич был подлинно советским ученым, прекрасной души человеком. Он систематически, упорно изучал монгольский язык, страну и жизнь ее людей. Ему принадлежит большое количество печатных работ, обогативших науку. А. В. Бурдуков поддерживал непосредственную связь с научными организациями и отдельными учеными. Последним он часто оказывал неоценимые услуги, когда они появлялись в тех местах Монголии, где жил Алексей Васильевич. Мне приходилось слышать восторженные отзывы А. В. Бурдукова о самоотверженности Нейбург ³. Пользовался

¹ В тексте сохранены стиль и орфография источника.

² Хатан-Батор Максаржав (1878–1927) — монгольский военачальник, участник Монгольской национально-освободительной революции 1911 г., военный министр Монголии (1922–1927).

³ Мария Федоровна Нейбург (1894–1962) — палеоботаник, доктор геолого-минералогических наук.

помощью Алексея Васильевича Б. Я. Владимирцов, когда ездил к ойратам. В доме А. В. Бурдукова писал свою книгу И. М. Майский⁴, к услугам которого была библиотека, а равно и обширные знания гостеприимного хозяина⁵.

<19> Сильно занимали Алексея Васильевича и заботы о выращивании кадров монголоведов для практической и научной работы. Везде, где только мог, он ставил вопрос об организации практики для начинающих монголистов, изъявляя даже готовность принять расходы по содержанию практикантов на свой счет.

Предпринимал Алексей Васильевич попытки облегчить участь своих собратьев, торговых служащих.

— Работают, — говорил он о служащих, — годами, а ничего за душой не имеют, все время находятся в зависимости от хозяев.

Возмущенный таким положением, А. В. Бурдуков задумал создать кооператив, который помог бы торговым служащим избавиться от хозяйской кабалы. Некоторые пайщики вносили деньги, а те, кто не располагали необходимой суммой, могли участвовать в кооперативе личным трудом. Доходы же от

В 1926 г. была в составе геологической экспедиции в Северо-Западной Монголии.

⁴ И. М. Майский (Ян Ляховецкий, 1884–1975) — дипломат, историк, академик АН СССР [Милицанд, 2008. Кн. 1. С. 846–847].

⁵ Документы А. В. Бурдукова и его дочери Т. А. Бурдуковой передали в АВ ИВР РАН 16 декабря 2013 г. Инна Георгиевна Бурдукова, вдова сына Т. А. Бурдуковой, в количестве пяти коробок и трех связок. Их зарегистрировали как личный фонд А. В. и Т. А. Бурдуковых под номером 165. В результате научно-технической обработки сформировано 429 дел, объединенных в две описи. Опись I. А. В. Бурдуков, монголовед-филолог, коллекционер. Научные труды и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, переписка, труды других лиц, карты за 1909–1991 гг.

1. Научные труды и материалы к ним (1909 — не позднее 1943). 1.1. Монографии, статьи, заметки и тезисы А. В. Бурдукова по калмыцкому языку и истории калмыков (1929 — не позднее 1941). 1.2. Статьи и заметки по монгольскому языку и истории монголов (1921–1939). 1.3. Историографические заметки (1921 — не позднее 1943). 1.4. Подготовительные материалы А. В. Бурдукова ([1930]–1938). 2. Документы к биографии (1910–1991). 2.1. Личные и бытовые документы (1910–1943). 2.2. Документы об А. В. Бурдукове (1960–1991). 2.3. Фотоматериалы (1911–1938). 2.3.1. А. В. Бурдуков с женой и друзьями, его коллеги (1911–1938). 2.3.2. Видовые фотографии (1910–1921). 3. Документы по деятельности (1909 — не позднее 1940). 3.1. Документы и переписка по торговой и организационно-преподавательской деятельности (1913–1939). 3.2. Переписка по научным вопросам (1909–1940). 4. Переписка Бурдукова А. В. (1913–1942). 4.1. Письмо Бурдукова А. В. (1942). 4.2. Письма к Бурдукову А. В. (1913–1939). 5. Материалы родственников А. В. Бурдукова и Т. А. Бурдуковой ([1910]–1989). 6. Материалы других лиц (1908–1940). 7. Карты (1884–[1930]) [Сабрукова, 2020. С. 122–123].

хозяйственной деятельности кооператива делились между теми и другими.

Среди пайщиков кооператива был и небезызвестный Джа-лама⁶. Это обстоятельство дало основание злым языкам говорить, будто Алексей Васильевич являлся компаньоном этого авантюриста. На самом же деле Джа-лама был одним из пайщиков кооператива, а не компаньоном Алексея Васильевича.

К этому предприятию А. В. Бурдукова можно относиться различно, но бесспорным остается тот факт, что это был первый кооператив в Монголии, явившийся предшественником Монценкоопа⁷.

По-видимому, много сделал хорошего Алексей Васильевич и для монголов, иначе они не сохраняли бы о нем добрую память в течение многих и многих лет. Он знал их язык, обычаи, психологию и легко находил путь к сердцу кочевника. У него были, конечно, большие связи, множество друзей среди местного населения, благодаря которым <20> Алексей Васильевич уцелел во время разгула унгерновщины⁸. Спасаясь со своей семьей от белобандитов, А. В. Бурдуков находил убежище в безбрежных, но малолюдных кочевьях.

С 1927 г. начинается новый период в жизни Алексея Васильевича. В Ленинграде он получил неизмеримо большие возможности для применения своей неиссякаемой энергии и огромных знаний как в научной, так и в практической сфере. Выше уже говорилось, что А. В. Бурдуков опубликовал много своих работ. Его перу принадлежат статьи, переводы, учебные пособия и справочники. В Ленинграде его больше всего занимала мысль о создании доступного для каждого грамотного человека учебника монгольского языка и словарей монгольско-русского и русско-монгольского.

Что касается учебника, его союзниками оказались В. Блохин⁹ и Дагаржав, бывший одно время министром просвещения МНР. Они создали такого рода пособие для практических работников. И Алексей Васильевич от всей души приветствовал появление этой книги, он мог после этого ограничиться составлением практических словарей. Один его словарь

⁶ Джа-лама — Лувсан Дамбийджалцан (1862–1922), Сайд-нойон-хутухта, военачальник, хошунный князь, деятель национально-освободительного движения в Западной Монголии в 1910-х гг., считавшийся ламой.

⁷ Монгольский центральный кооператив.

⁸ Это период, когда в конце 1920 — начале 1921 г. на территорию Монголии проникли контрреволюционеры во главе с бароном Унгерном (1886–1921).

⁹ См.: Блохин В. В. Практический учебник разговорного монгольского языка. Улан-Батор, 1936. Ч. 1. Также В. В. Блохин сотрудничал с журналом «Современная Монголия», написал несколько статей для журнала и, видимо, занимался вопросами торговли, судя по названиям: Блохин В. В. Торговля Монголии // Современная Монголия. 1935. № 5; Блохин В. Монгольская пушнина // Современная Монголия. 1935. № 6 (13).

издал Ленинградский восточный институт¹⁰. С изданием его обошлось все благополучно. Два других словаря поступили в Издательство иностранных и национальных словарей. Здесь автора ожидали многие неприятности. С русско-монгольским словарем дело чуть-чуть не дошло до большого скандала.

Не умея ничего сказать по существу, рецензенты, редактор, а потом и политредактор все время придирались к транскрипции А. В. Бурдукова. Издательские работники и автор были доведены до белого каления. Последний, исчерпав все мирные средства, в один прекрасный день заявил:

— Делайте со словарем что угодно, транскрибируйте слова как хотите, только уберите с титульного листа мое имя.

<21> Все же русско-монгольский словарь издательство выпустило. Но нужно было издавать еще монгольско-русский. С тяжелым чувством приняли издательские работники за рукопись Алексея Васильевича. Обратились за советом в ЦК КПСС. Там им порекомендовали связаться с Издательством литературы на иностранных языках. Так труд А. В. Бурдукова попал в мои руки. Правда, меня связали с одним из наиболее рьяных критиков словаря Алексея Васильевича. Он владел языком практически, но имел весьма смутное представление о лингвистике, лексикографии и т. д.

Рассказывают, что к Н. Я. Марру¹¹ пришел как-то представитель одного из кавказских народов и заявил с большой убежденностью:

— Лучше меня никто не знает мой родной язык, я лингвист.

— Не каждая рыба ихтиолог, — возразил на это академик.

Рыба, с которой я имел дело, напоминала того кавказца, ибо он считал себя лингвистом. Пришлось с самого начала прочитать ему маленькую лекцию о транскрипции и правах автора словаря в этом отношении.

Разделили рукопись на две части. Через некоторое время обменялись частями. То, что я получил от рецензента, имело страшный вид: совсем мало было слов, которые остались в неприкосновенности.

Вскоре собрались для согласования поправок. И опять пришлось прибегнуть к краткой лекции на ту же тему. А кончилось все тем, что мой напарник с таким же усердием убирал свои исправления, с каким прежде их делал. У издательских работников отлегло от сердца, однако внушал еще опасения политредактор.

— А вы с ним не разговаривайте, адресуйте ко мне, — посоветовал я им.

В отделе иностранной цензуры представителя издательства спросили:

<22>

— Кто редактор словаря?

— Михайлов, — последовал ответ.

— Пусть он подпишет листы, а мы поставим свою печать.

Вся процедура заняла минут двадцать или тридцать. Для издательства словарей такой оборот дела был большой и очень приятной неожиданностью, ибо они не знали истории с политредактором, проверившим до этого издания на монгольском языке. А он зазнался, скомпрометировал себя рядом совершенно нелепых придинок к хорошим переводам и был снят с работы. Редакторам же Издательства литературы на иностранных языках в этом отделе доверяли.

Страну и язык Алексей Васильевич знал превосходно и все свои знания стремился передать другим. Он с готовностью отвечал на все наши вопросы и согласен был заниматься, не считаясь со временем. А. В. Бурдуков часто посещал заседания научно-студенческого кружка, был непременным участником самых разнообразных мероприятий. Он никогда не отказывался прочесть какую-либо работу своих товарищей и высказать свое мнение. Отзывы его всегда были доброжелательными. Такие рецензенты в те годы встречались не так часто. Иногда его упрекали за либерализм.

— А что скажешь, если работа хорошая, — возражал обычно Алексей Васильевич на такого рода высказывания.

Всякой докуки у А. В. Бурдукова всегда было много, тем не менее он успевал еще и что-то писать, ездить в экспедиции (вспомним хотя бы его поездку к сарт-калмыкам¹²) и разрабатывать различные проекты. Так, однажды он собрал у себя дома большую группу лиц и стал излагать проект улучшения быта кочевников. Там он выдвинул идею о жилищах на колесах. Стали обсуждать предложение Алексея <23> Васильевича. Все шло хорошо, пока не выступил уже упоминавшийся П., типичный представитель той эпохи. Он упрекнул А. В. Бурдукова в желании повернуть «колесо истории вспять». Получилась такая околесица с этим колесом, что писатель Зазубрин¹³, автор первого советского романа, возмутился и дал резкую отповедь этому поборнику прогресса.

¹⁰ Разговорник монгольского языка с подробным оглавлением каждого урока, подстрочным и алфавитным словарями. Л., 1935; Русско-монгольский словарь разговорно-го языка. Л.: ЛВИ, 1935.

¹¹ Николай Яковлевич Марр (1865–1934) — востоковед, кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог. Академик РАН и АН СССР [Милицанд, 2008. Кн. 1. С. 878–879].

¹² Сарт-калмыки, калмаки — малочисленный народ Киргизии, ойратского происхождения, проживающий в основном на востоке Иссык-Кульской области.

¹³ Владимир Яковлевич Зазубрин (Зубцов) (1895–1938) — участник гражданской войны в Сибири; в 1921 г. написал книгу «Два мира». С 1923 по 1928 г. В. Я. Зазубрин работал в Новосибирске секретарем, а затем редактором журнала «Сибирские огни», с 1926 г.

А через несколько лет на советской земле появились вагончики для трактористов и других специалистов, вынужденных условиями работы жить далеко от дома.

Если бы меня спросили, когда Алексей Васильевич жил для себя, я бы не смог ответить на этот вопрос. Он постоянно о ком-то заботился, постоянно устраивал чьи-то дела, радушно встречал всех, кто к нему приезжал.

Как-то отправились мы небольшой компанией в Парк культуры и отдыха (знаменитые острова на Неве). На обратном пути наши дамы вдруг захотели пить.

— Заедем к Алексею Васильевичу, — предложил я, не думая долго.

— Не совсем удобно, — возразил кто-то.

— К Алексею Васильевичу-то? — удивился я.

Дверь нам открыл сам хозяин этого гостеприимного дома.

— Проходите, раздевайтесь. Кстати, жена напекла пирожков, — были первые слова Алексея Васильевича, сразу же рассеявшие чувство некоторого неудобства.

В этом «кстати» весь Алексей Васильевич. Если бы мы даже пришли не чай пить, а жить, это тоже было бы, по всей вероятности, кстати.

А многие приходили к Алексею Васильевичу и жить. Дома его всегда окружали какие-то родственники, племянники и просто люди, <24> нуждавшиеся в покровительстве. В квартире Алексея Васильевича была большая комната, служившая семье столовой. Однако для столовой в этой большой комнате оставалось совсем мало места, а пространство вдоль стен занимали боксы, в которых жили подопечные А. В. Бурдукова. В одном из таких боксов жил некоторое время и Л. С. Пучковский¹⁴.

В институте Алексей Васильевич был бессменным членом локального бюро Секции научных работников и все время занимался делами культурно-бытового сектора, заботясь о нуждах своих товарищей. Вероятно, не было в локальном бюро СНР [секция научных работников] другого такого человека, который отдавал бы столько сил профсоюзной работе. Он умел находить все новые и новые возможности для улучшения условий жизни своих коллег. Уже в 30-х гг. в Ленинграде ощущался жилищный кризис, многие преподаватели института жили плохо. Алексей Васильевич разыскал жилищно-строительный кооператив, установил с ним связь, приняв на себя еще одну обязанность — уполномоченного этого кооператива в нашем институте. Потом свои обязанности по кооперативу он передал мне, а через некоторое время и меня кто-то сменил.

председатель Сибирского союза писателей [Бурдуков, 1969. С. 389–390].

¹⁴ Леонид Сергеевич Пучковский (1899–1970) — специалист по истории Монголии и монгольским рукописям [Милибанд, 2008. Кн. 2. С. 243].

Кажется, никто из наших преподавателей все же квартиры не получил. Однако А. В. Бурдуков и его преемники тут ни в чем не виноваты. Просто руководители кооператива вели дело не очень умело, и кооператив пришлось распустить.

Короче говоря, Алексей Васильевич Бурдуков много сделал для науки и для людей. И вот у такого человека нашли какие-то преступления и подвергли репрессиям. Умер Алексей Васильевич, как передавал мне С. А. Козин, от голодного поноса. Уверен, у многих людей становится тепло на душе от одного упоминания имени этого замечательного человека.

18/XII-1967

Г. Михайлов

<25>

Сергей Андреевич Козин¹⁵

Когда я поступил в Ленинградский Восточный институт им. А. С. Енукидзе, встретил там много новых людей. Среди служащих института заметил двоих похожих внешне друг на друга людей. Казались они похожими и другим студентам. Иной раз мы видели их вместе. В таких случаях один поднимался по лестнице с пустыми руками, а другой нес портфель первого. Оба были кругленькими, невысокого роста, носили почти одинаковые курточки и различались только цветом волос и чертами лица. Прошло порядочно времени, пока мы усвоили разницу между ними. Выяснилось, что один из них работал в учебной части, а второй был гардеробщиком, старым служаккой. Позже я узнал, что работник учебной части, Сергей Андреевич Козин, мой коллега. Узнал и кое-что из его биографии. Правда, близко сталкиваться с ним мне не приходилось, по-настоящему мы познакомились, когда он расстался со своим кабинетом в учебной части и появился у нас в аудитории в качестве преподавателя практики монгольского письменного языка, помощника Б. Я. Владимирцова.

Потом мне довелось некоторое время работать с С. А. Козиным на одной кафедре. Там мы еще лучше узнали друг друга. В 1935 г. судьба нас разлучила, мне пришлось ехать на Халхин-Гол, но в 1945 г. наши связи восстановились. Я в то время был в Каунасе, лежал в госпитале, война уже кончилась, предстоял переход к мирной жизни. О Н. Н. Поппе до меня кой-какие слухи доходили, об остальных же монголистах никаких сведений не имел. Однажды из газет я узнал о юбилее Академии наук СССР и о награждении орденами академиков. Среди награжденных был и С. А. Козин. Тут же я написал, благо времени свободного было вполне достаточно, письмо и через несколько дней получил подробный ответ на

¹⁵ С. А. Козин (1879–1956) окончил восточный факультет Петербургского университета в 1903 г., с 1906 г. служил в Калмыкии, с 1913 по 1917 г. — советник по финансовым и экономическим вопросам при правительстве Автономной Монголии. В 1916 г. организовал экспедицию для исследования Монголии в экономическом отношении [Бурдуков, 1969. С. 412].

все интересовавшие меня вопросы. Личная же встреча состоялась примерно через год в Ленинграде.

В Ленинграде и на финской границе я часто проводил свой отпуск, ездил в Ленинград и по делам Военного института иностранных языков. Командование института охотно давало мне командировки для консультации с С. А. Козиным, бывшим в то время членом ученого совета института. Он даже состоял в штате кафедры скандинавских языков, хотя в институте ни разу не был и дороги туда не знал.

Одна из командировок предоставлена была мне для согласования программы монгольского языка с Сергеем Андреевичем. Не знаю, читал ли это мое произведение С. А. Козин, но, возвращая рукопись, <26> промолвил:

— Можете сказать в Москве, что я внес исправления, а можете сказать, что никаких замечаний не было. Предоставляю это на ваше усмотрение.

Результатами моей поездки в Ленинград командование института было удовлетворено, программа пошла в печать. В одном из верхних углов титульного листа значилось: «одобряю» и подпись С. А. Козина, а в другом: «утверждаю» и подпись начальника института, генерала.

Интересовался С. А. Козин и моими диссертационными делами. Во время одной из наших бесед он предложил мне писать о парных словах (биномах). Мне эта тема (я тогда преподавал монгольский язык) нравилась, принялся за работу. Через год предпринял попытку познакомить Сергея Андреевича с первыми результатами моих поисков. Однако разговор не состоялся.

— Обратитесь к лингвистам, эта тема — лингвистическая, лингвистам и карты в руки, — заявил Сергей Андреевич.

Такое заявление свидетельствует о том, что С. А. Козин считал себя не лингвистом, а литературоведом, хотя к лингвистике он иной раз обращался, давал, например, «путевку в жизнь» докторской диссертации Г. Д. Санжеева¹⁶.

С. А. Козин до революции был крупным царским чиновником. Одно время он выступал в качестве попечителя калмыцкого народа (так идилически называлась его должность). Позже поехал он в Ургу финансовым советником правительства Автономной Монголии. Попечителей калмыки себе не выбирали, а у монголов были кой-какие возможности и отказаться от советника. Сайн-ноен-хан¹⁷ не возражал получить заем, но не хотел иметь советника, однако успеха не имел, пришлось ему вместе с займом взять и советника.

¹⁶ Гарма Данцаранович Санжеев (1902–1982) — филолог-монголовед, доктор филологических наук, профессор.

¹⁷ Сайн-нойон-хан Намнансурэн (1896–1919) — политический и государственный деятель (1911–1919). Выходец из аристократической семьи владетелей Сайннойонхановского аймака.

О своей деятельности в Калмыкии Сергей Андреевич ничего не рассказывал, да я и не пытался расспрашивать ни его (вряд ли такие расспросы были бы ему приятны), ни других. В 1927 г. мне довелось побывать в Калмыкии. Некоторые из наиболее пожилых калмыков в то время еще помнили С. А. Козина по его деятельности в тех местах. Один из них (кажется, Бадмара Шонхоров¹⁸) поинтересовался, чем занимается их бывший попечитель.

— Работает в учебной части нашего института, — сообщил я ему.

— Он же плохо знает калмыцкий язык, как же может он работать в Восточном институте? — последовал другой вопрос.

Я объяснил, что С. А. Козин занят канцелярскими делами, калмыцкий язык ему не нужен. Однако это объяснение не удовлетворило моего <27> собеседника, полагавшего, что в Восточном институте должны работать лишь люди, владеющие восточными языками.

Другой раз Г. Натыров¹⁹ передал мне чей-то рассказ о романе С. А. Козина с одной знатной калмычкой, для которой этот роман был самым первым.

Возможно, были и другие разговоры о С. А. Козине, но память моя просто не сохранила их. Однако ничего плохого о его деятельности в Калмыкии мне слышать не приходилось. Означало ли это, что Сергей Андреевич не проявлял большого служебного рвения? Не думаю. Вероятно, он действовал так умело, что ни в чем его упрекнуть было нельзя.

О своей деятельности в Монголии Сергей Андреевич говорил мало. Из его воспоминаний, о которых речь будет ниже, известно, что он близко стоял или близко наблюдал Сайн-ноен-хана, когда монгольский премьер был в С.-Петербурге.

Запомнилось мне одно высказывание Сергея Андреевича о том, как ловко пользовались нецензурной русской словесностью некоторые дамы монгольского света. Сказано это было между прочим.

А память о С. А. Козине долго жила в Монголии. В 1935 или 1936 г. я занимался с одним монголом, которого мы собирались использовать для агентурной разведки. Нужно было записать его биографию. Он рассказал, как это было принято у монголов тогда, где он родился, чей сын и который по счету ребенок своего отца, сообщил и другие стандартные сведения. Заинтересовал меня рассказ о том, как его отец имел в старое время какие-то неприятности из-за «гоожин монго».

— Какие же это «гоожин монго»? — размышляя я. После недолгих размышлений понял, что речь шла

¹⁸ Бадма-Ара Шонхоров в начале XX в. являлся представителем калмыцкого народа в Управлении калмыцким народом [Бакаева, Бакаев, 2012. С. 91].

¹⁹ Галзан Натыров — общественный, политический деятель, член первого центрального исполнительного комитета Калмыцкой автономной области [Максимов, Мацакова, 2016. С. 15].

о тех сборах, которые установил С. А. Козин, имея целью пополнение казны правительства Автономной Монголии.

Деятельность Сергея Андреевича в Монголии, таким образом, способствовала не только пополнению казны богд-хаана, но и появлению в монгольском языке неологизма. Говорят, некоторые монголы до сих пор поминают «гоожин монго» («козинские деньги»).

Сергей Андреевич обладал незаурядным умом. Он справлялся со своими обязанностями в Калмыкии, умело повел дело, когда приехал в Монголию, легко осуществил переход от административной деятельности к педагогической и научно-исследовательской, его суждения всегда были здравыми. Как-то мы с А. В. Бурдуковым стали подводить итоги социалистического соревнования. Нам казалось, что ряд пунктов договора мы не выполнили. Вмешался присутствовавший при этом С. А. Козин (разговор велся в домашнем кабинете А. В. Бурдукова), перечислил мероприятия, которые проводились у нас, оказалось, что обязательства <28> свои наша кафедра выполнила, при встрече с другой соревнующейся стороной сотрудникам ее краснеть не придется.

С. А. Козин представлялся мне интересным человеком, который немало поработал на своем веку, знал много такого, о чем другие и понятия никакого не имели. В 1933 или 1934 г. пришла мне в голову мысль о том, что хорошо бы получить от Сергея Андреевича мемуары о его работе в Автономной Монголии. Товарищи поддержали эту инициативу, не возражал и сам С. А. Козин. Вскоре он взялся за дело и представил первые странички. Мемуары обещали быть интересными, понравился мне и стиль автора.

— Надо дать С. А. Козину вопросник, — предложил В. Д. Якимов²⁰.

Через несколько дней он такой вопросник представил. Чего он только там не написал! Автор вопросника хотел, чтобы мемуарист описал состояние производительных сил автономного периода истории Монголии, производственные отношения, формы эксплуатации, классовую дифференциацию, классовую борьбу и многое другое в этом духе.

Мне эта затея не понравилась. Разделял мое отношение к вопроснику В. Д. Якимов и М. И. Амагаев²¹, бывший в то время ректором нашего института.

— Пойми, — говорил Матвей Иннокентьевич автору вопросника, — С. А. Козин стоит выше наших шпаргалок.

²⁰ Василий Дмитриевич Якимов (1904–1941) — выпускник Ленинградского Восточного института по монголо-тибетскому разряду, с 1937 г. по 1941 г. научный сотрудник Института Востоковедения [Ф. 83. Архив востоковедов ИВР РАН].

²¹ Матвей Иннокентьевич Амагаев (1897–1944) — государственный, политический деятель, с 1932 по 1937 г. ректор Ленинградского института живых восточных языков.

Так тогда с мемуарами Сергея Андреевича у нас ничего и не получилось.

Сразу же после Великой Отечественной войны при одной из наших встреч с С. А. Козиным я снова завел разговор о мемуарах. С. А. Козин сочувственно отнесся к моему предложению:

— Осуществить это не так трудно, можно написать, можно и продиктовать.

Однако ни того, ни другого он не сделал. Нужно было бы, видимо, вменить кому-нибудь из ленинградских коллег в обязанность время от времени напоминать Сергею Андреевичу о его обещании.

Уже в пятидесятых годах я поставил этот вопрос перед ученым секретарем Института востоковедения АН СССР.

— Сергей Андреевич мог бы нам сообщить много интересного. Если мы не зафиксируем все это сейчас, лишимся одного из ценных источников целого периода истории Монголии. Прикомандируйте к нему стенографистку, пусть она записывает его воспоминания ежедневно по часу или полчаса, — предложил я тогда.

Ученый секретарь согласился, что воспоминания таких людей представляют большую ценность, однако о реализации моего предложения не позаботился. А вскоре мне пришлось писать для журнала <29> «Советское востоковедение» некролог. Так непростительно лишились мы многих интересных сведений, касающихся периода автономии Монголии.

В науке Сергей Андреевич занимал особое место, резко отличался от своих коллег по Ленинградскому Восточному институту и Институту востоковедения АН СССР.

— Ушкуйник²², — сказал про С. А. Козина (разговор имел место в 1936 г.) П. И. Воробьев²³, бывший до 1931 г. ректором Ленинградского восточного института.

Характеристика меткая, ни убавить, ни прибавить ничего нельзя к ней. Однако такое положение и такое отношение к нему не устраивало, по-видимому, Сергея Андреевича. Желая изменить отношение к себе, однажды он, как передавал мне А. П. Конаков²⁴, обратился за поддержкой к В. Л. Котвичу²⁵. И «наш мудрый Котвич», как называли его многие

²² Ушк у й н и к — В Древней Руси: вольный человек, совершавший набеги с вооруженной дружиной и промышленный на ушкуях на Волге и Каме. Термин происходит от слова «ушкуй» (ускуй, скул, вушкул), обозначающего вид гребного судна для плавания по большим рекам.

²³ Павел Иванович Воробьев (1892–1937) — ученый-востоковед, организатор науки, музеевед.

²⁴ Александр Павлович Конаков (1908–?) — востоковед, филолог, специалист в области сравнительного языкознания алтайских языков.

²⁵ Владислав Людвигович Котвич (1872–1944) — лингвист, монголовед, алтаист, чл.-кор. РАН (01.12.1923), действительный член Польской академии знаний (1923), председатель Польского востоковедческого общества (1922–1936).

коллеги, ответил письмом, в котором, не касаясь достоинств трудов Сергея Андреевича, отметил своеобразие этого ученого. Иными словами, В. Л. Котвич дал характеристику, совпадающую с приведенным выше отзывом П. И. Воробьева.

С такой характеристикой согласится всякий, кто хорошо знаком с трудами С. А. Козина. Действительно, он находился где-то в стороне от академической дороги, не имел предшественников, не оказалось у него и последователей.

С. А. Козин дружил А. В. Бурдуковым. Их связывало не в малой степени, как мне представлялось, одинаковое отношение к «пакостникам» (выражение А. В. Бурдукова). К числу «пакостников», между прочим, Алексей Васильевич относил и Н. Н. Поппе. Возможно, Сергей Андреевич встречался с А. В. Бурдуковым еще в Монголии. Во всяком случае, С. А. Козину хорошо были известны некоторые страницы биографии Алексея Васильевича. Как уже говорилось, Сергей Андреевич был частым гостем в доме Бурдуковых.

Дружил С. А. Козин и с В. М. Алексеевым²⁶. Они были однокурсниками. К их компании принадлежал и Г. Ф. Смыкалов²⁷, про которого В. М. Алексеев говорил:

— Он на год старше нас.

Сергей Андреевич, передав эти слова Василия Михайловича, пояснил:

— Когда мы с Василием Михайловичем пришли в университет, у нас были новенькие мундирчики, а Г. Ф. Смыкалов носил мундир, бывший в употреблении.

Сергей Андреевич своим продвижением многим обязан усилиям В. М. Алексеева, обладавшего большим весом в академических кругах²⁸.

²⁶ Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) — китаевед, филолог, переводчик китайской классической прозы и поэзии. Чл.-кор. РАН (01.12.1923), доктор филол. наук (1929), акад. АН СССР (12.01.1929).

²⁷ Георгий Феофанович Смыкалов (1877–1955) — профессор (13.09.1947), преподаватель Практич. Вост. академии (1913–1921), ЛВИ (1920–1938), ЛГУ (1938–1955), зав. кафедрой кит. филол. Восточного факультета (1938–1950) и филологического факультета (1945–1955). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1938–1950) [Милибанд, 2008. Кн. 2. С. 377–378].

²⁸ В архивном фонде А. В. и Т. А. Бурдуковых сохранилась копия письма профессора В. Л. Котвича к академику В. М. Алексееву от 3 мая 1941 г., большое внимание в ней уделено научной деятельности С. А. Козина и его работам. «Когда появились первые печатные работы С. А. Козина, стало очевидным, что в среду советских востоковедов вступает новая сила с ясным, вдумчивым, самостоятельным взглядом на вещи и богатым практическим и теоретическим опытом. Нужно было появление свежего человека, не пропитанного идеями старой школы монголоведов, а обладающего чутьем историко-литературного исследователя, чтобы понять и представить дело в надлежащем освещении». АВ ИВР РАН. Л. 1.

<30> К Б. Я. Владимирцову у С. А. Козина было странное отношение. Мне казалось, что Сергей Андреевич многим обязан Борису Яковлевичу и должен был бы солидаризироваться в этом смысле со мной. Однако несколько моих попыток завести разговор о Б. Я. Владимирцове озадачили меня. Борис Яковлевич считал квадратную письменность международным алфавитом. Сергей Андреевич в беседе со мной опровергал это положение ссылкой на ареал распространения письменности Пагва-ламы²⁹, хотя характер письменности, ее общественная значимость не определяется какими-либо географическими обстоятельствами.

— Как хорошо преподавал Борис Яковлевич, — сказал я однажды Сергею Андреевичу.

— Да, но как он не любил преподавание, — тут же возразил мне мой собеседник.

Имел место и еще один очень любопытный с этой точки зрения разговор.

— Какую хорошую грамматику написал Борис Яковлевич, — заметил я как-то.

— Да, но какой это кирпич, — ответил С. А. Козин, хотя сам выпускал еще более увесистые кирпичи («Сокровенное сказание монголов», например).

Естественно, такого рода реплики С. А. Козина не располагали к разговорам о Б. Я. Владимирцове, и я больше не касался в наших разговорах этой темы.

Об отношении Сергея Андреевича к Н. Н. Поппе судить очень трудно. Если С. А. Козин солидаризировался с А. В. Бурдуковым, отношение это, надо полагать, было отрицательным. В разговорах Сергей Андреевич о Н. Н. Поппе отзывался сдержанно. Запомнился мне только такой короткий разговор при очередной нашей встрече:

— Заполучить бы Н. Н. Поппе сюда, — сказал я Сергею Андреевичу.

— А зачем? Он и так хорошо наказан, — возразил С. А. Козин.

Поразмыслив хорошенько, я согласился с Сергеем Андреевичем. Вспомнились при этом эмигранты времен революции и гражданской войны, очень тяжело переживавшие разлуку с родиной. Вероятно, и Н. Н. Поппе не раз сожалел о том, что так легко поверил в силу и непобедимость фашистской Германии.

До 1937 г. Сергею Андреевичу трудно жилось. Как уже говорилось, положение «ушкуйника» доставляло ему порядочно неприятностей даже после того, как он стал академиком. Однако это обстоятельство не влекло за собой политических последствий. Хуже было с прошлым его. Если не изменяет мне память, Сергею Андреевичу в те суровые времена <31> приходилось добиваться избирательных

²⁹ Монгольское квадратное письмо Пагва-ламы — письменность, созданная на основе тибетского письма ламой Дрогоном Чогьял Пагпа для Хубилай-хана, монгольского правителя династии Юань в Китае.

прав. В 1937 г. избирательное право стало всеобщим, все бывшие «лишенцы»³⁰ стали полноправными гражданами. А во время Великой Отечественной войны Сергей Андреевич был избран в состав Академии наук СССР.

Тем не менее при любых обстоятельствах Сергей Андреевич соблюдал лояльность, никаких жалоб или проявлений недовольства я не наблюдал. В первые годы индустриализации нам жилось очень плохо, существовала карточная система, на каждом шагу ощущались нехватки. Однако никто в то время не роптал. Любопытно, что Сергей Андреевич раньше других подмечал самые малейшие улучшения в нашей жизни.

Он очень тепло отзывался также о тех людях (имен сейчас не помню), которые осуществили во время Великой Отечественной войны эвакуацию академиков из голодного Ленинграда в Куйбышев. Правда, и на новом месте их обеспечивали не бог весть как, но от голодной смерти наши академики были спасены. И это обстоятельство Сергей Андреевич подчеркивал.

А после войны он получил дачу на берегу Финского залива (ст. Комарово), которую с большим удовольствием показывал мне. Не посчитал для себя за труд Сергей Андреевич подняться со мной на второй этаж, откуда открывался вид на залив. Хвастался, что его дача построена на сухом месте. А когда его супруга заметила, что водопровод им провели, а воды нет, Сергей Андреевич добродушно пожурил ее:

— Ты не говори о том, чего у нас нет, надо показывать то, что мы имеем.

А дача действительно была замечательной. Смущало Сергея Андреевича лишь то, что построена она не по-русски: и подоконников нет, и отдельные части ее сделаны не так, как это принято у нас.

— Финну обязательно нужно показать себя, он все время напоминает о себе, — высказался однажды по этому поводу Сергей Андреевич. Была довольна своей дачей и супруга С. А. Козина.

— Эта дача — наша собственность, мы даже можем ее продать. Наши соседи продали свою дачу, получили 90 тысяч. «Но продавать можно только государству», — сообщила она мне.

Вообще Сергей Андреевич в послевоенные годы был доволен условиями своего существования. Как-то он заговорил о партийных и беспартийных.

— А Вы партийный, — спросил он меня.

Получив утвердительный ответ, Сергей Андреевич заметил с удовлетворением:

— Да сейчас между партийными и беспартийными большой разницы нет. <32> Не жаловал покойный академик только профсоюзную организацию. Однажды А. П. Канаков и Надеяев³¹ собрались идти к Сергею Андреевичу.

— Мне тоже нужно поговорить с ним, пойдемте вместе, — предложил я.

Услышав наш разговор, кто-то из сотрудников Института востоковедения попросил А. П. Канакова заодно получить у Сергея Андреевича профвзносы.

— Нет уж, — воспротивился А. П. Канаков, — получайте сами, меня в эти дела не путайте.

Я никак не мог понять причины столь категорического отказа, заявление А. П. Канакова не понравилось мне.

Пришли мы к Сергею Андреевичу, завязался оживленный разговор, говорили о самых разнообразных вещах, зашла речь и о профсоюзах. Сергей Андреевич с большой убежденностью заявил:

— Мы никогда не выиграли бы войну, если бы в армии были профсоюзы.

— Но в военных учреждениях есть профсоюзные организации, — попытался я возразить.

— Да, развешивать плакатики, — сказал Сергей Андреевич, протянув руку куда-то к стене своего кабинета.

Я ничего не знал об отношении С. А. Козина к профорганизации, а А. П. Канаков был вполне в курсе дела, поэтому-то так категорически отказался вести с Сергеем Андреевичем разговоры о профвзносах.

Сергей Андреевич почти до последнего своего дня посещал институт. Мне случалось встречаться с ним в особняке на Дворцовой набережной. Встречам он был всегда рад. Когда кто-нибудь из ленинградцев приезжал в Москву, я интересовался, как себя чувствует Сергей Андреевич.

— Ничего, — говорили мне, — ходит в институт. Накануне выдачи зарплаты расписывается в ведомости, а на другой день приходит за деньгами.

Тем не менее Сергей Андреевич чувствовал себя неважно, искал всяческих средств, способных облегчить его положение. Однажды он рассказал мне про какого-то чудотворца, живущего где-то в Средней Азии.

— Напишите этому старичку, и он пришлет Вам свои лекарства, — посоветовал я.

— А что толку-то, — возразил Сергей Андреевич, — вон эти лекарства стоят на шкафу.

Я посмотрел туда, куда показывал Сергей Андреевич и увидел <33> большую коробку. По-видимому, все эти снадобья мало помогали. Недейственность их Сергей Андреевич объяснял тем, что нет личного контакта между лечащим и лечимым.

³⁰ Лиш е н ц ы — неофициальное название гражданина РСФСР и СССР, лишённого избирательных прав в 1918 – 1936 гг. согласно Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. Ограничение в правах было направлено на обеспечение ведущей роли рабочего класса в строящемся социалистическом обществе и устраняло экономически самостоятельных и авторитетных в дореволюционном обществе людей от участия в активной политической жизни.

³¹ Владимир Михайлович Надеяев (1912–1985) — Тюрколог и монголист, специалист по общему языкознанию и экспериментальной фонетике, выдающийся педагог, воспитавший более 150 лингвистов-сибиредов.

Ехать же в Среднюю Азию Сергей Андреевич не отъезжал. Сразу же после войны ему случалось бывать в Москве, а в последние годы жизни его вояжи ограничивались поездками в Комарово. Предложение слетать в Монголию Сергей Андреевич отверг со всей категоричностью. И правильно сделал, ибо столь далекое путешествие при его состоянии здоровья было сопряжено, конечно, с большим риском.

Сергей Андреевич, как видно из сказанного выше, избегал риска, соблюдал большую осторожность, обращался к медицине. Однако какие бы меры он ни принимал, а болезнь и годы делали свое дело. Особенно сильным было, вполне понятно, влияние возраста. От старости, как известно, лекарства нет, бессильны даже чудотворцы. Наступил тот день, когда жизнь Сергея Андреевича оборвалась.

Использованная литература и архивные материалы

Бакаева, Бакаев, 2012: *Бакаева Э. П. Бакаев Н. Э.* Герой отечественной войны 1812 г. Цаган Халга Лузангов и его потомки // Вестник КИГИ РАН. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geroy-otechestvennoy-voyny-1812-g-tsagan-halga-luzangov-i-ego-potomki> (дата обращения: 10.02.2022).

Bakaeva E. P., Bakaev N. E. Geroi otechestvennoi voyny 1812 g. Tsagan Khalga Luzangov i ego potomki [Hero of the Patriotic War of 1812 Tsagan Khalga Luzanov and his descendants] // Bulletin of the KIH of the RAS. 2012. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geroy-otechestvennoy-voyny-1812-g-tsagan-halga-luzangov-i-ego-potomki> (accessed: 10.02.2022).

Бурдуков, 1969: *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. М.: Наука, 1969.

Burdukov A. V. V staroi i novoi Mongolii [In old and new Mongolia]. M.: Science, 1969.

Максимов, Мацакова, 2016: *Максимов К. Н. Мацакова М. И.* Конституирование национальной государственности Калмыкии в форме административной автономии // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 3. URL: <https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view> (дата обращения: 11.02.2022).

Maksimov K. N., Mazakova M. I. Konstituirovaniye natsional'noi gosudarstvennosti Kalmykii v forme administrativnoi avtonomii [The Establishment of the Constitution of the National State of Kalmykia in the Form of Administrative Autonomy] // Bulletin of the KIH of the RAS. 2016. No. 3. URL: <https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view> (дата обращения: 11.02.2022).

<https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view> (accessed: 11.02.2022).

Милибанд, 2008: *Милибанд С. Д.* Востоковеды России XX — начало XXI века. Библиографический словарь. Книга 1; 2. М.: Вост. лит., РАН, 2008.

Miliband S. D. Vostokovedy Rossii XX — nachalo XXI veka. Bibliograficheskii slovar' [Orientalists of Russia XX — the beginning of the XXI century. Bibliographic dictionary]. Volume one; two. Moscow: "Oriental Literature" of the Russian Academy of Sciences, 2008.

Сабрукова 2020: *Сабрукова С. С.* Российские монголоведы А. В. и Т. А. Бурдуковы (обзор фонда из Архива востоковедов ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. 2020. Т. 17. № 1 (вып. 40).

Sabrukova S. S. Rossiiskie mongolovedy A. V. i T. A. Burdukovy (obzor fonda iz Arkhiva vostokovedov IVR RAN) [Russian Scholars in Mongolian Studies A. V. Burdukov and T. A. Burdukova (A Review of Their Collection at the Archives of the Orientalists, IOM RAS)] // Written Monuments of the Orient. 2020. Volume 17. No. 1 (issue 40).

АВ ИВР РАН: Архив востоковедов ИВР РАН, шифр: Фонд 165. Опись 2. Дело 278.

(Arkhiv vostokovedov IVR RAN). [Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences] cipher: Fund 165. Inventory 2. Case 278.

A HISTORY OF MONGOLIAN STUDIES IN RUSSIA: FROM THE MEMOIRS OF G. I. MIKHAYLOV (1909–1986)

Svetlana S. SABRUKOVA

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

The article is dedicated to the recollections of G. I. Mikhaylov — a 20th c. prominent Russian researcher of Mongolia in which he remembers his teachers and colleagues — B. Ya. Vladimirtsov, G. E. Grum-Grshimailo, A. V. Burdukov, S. A. Kozin, N. N. Poppe and G. N. Romyantsev and which were discovered in the private collection of N. P. Shastina now kept in the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Science. G. I. Mikhailov called his memoirs 'notebooks about the distinguished Russian orientalists', in them he was also describing the details of his life at that time, his personal opinions and views on various events taking place in the life of his 'characters'. The memoirs cover the period of more than forty years — from 1926 till 1967. They are written in a vivid captivating language with the use of dialogue.

Key words: B. Ya. Vladimirtsov, G. E. Grum-Grshimailo, A. V. Burdukov, S. A. Kozin, N. N. Poppe, G. N. Romyantsev.

About the author:

Svetlana S. SABRUKOVA, Cand. Sc. (Philology), Junior Researcher, the Department of Manuscripts and Documents, Institute of the Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Dvortsovaya Emb. 18, St-Petersburg, 191186, Russia), ORCID 0000-0001-7983-4291 (ssabrukova@yandex.ru).